

Hrabák, Josef

Комментарий

In: Hrabák, Josef. *Polyglotta*. Vyd. 1. Brno: Universita J.E. Purkyně, 1971, pp. 152-160

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/120508>

Access Date: 06. 12. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

КОММЕНТАРИЙ

Как уже сказано в вводной статье, исследования, напечатанные в настоящей книге относятся отчасти к поэтике, отчасти к истории литературы. Предметом анализа всех статей является чешский материал, однако выводы автора имеют общенаучное значение и касаются основной проблематики литературоведения вообще. От первоначального напечатания отдельных статей прошло уже несколько лет. Разумеется, что тогда они не могли охватить всю литературоведческую проблематику. Ввиду этого автор настоящей публикации считает нужным еще вкратце комментировать отдельные статьи и тем самым в определенной степени соединить и дополнить их. Автор полагает, что этот комментарий позволит ему в сокращенной форме выразить свою современную концепцию литературоведения.

Исследования, посвященные *поэтике*, исходят из тезиса, что литературоведение должно считаться со специфичностью литературы как искусства слова, что оно должно подходить к проблематике литературного произведения с точки зрения его читателей. Эти вопросы в большинстве все еще остаются открытыми. Исторические причины этого факта уходят своими корнями в глубокое прошлое. Время, когда литературоведение начало формироваться в самостоятельную дисциплину, было периодом некоторого брожения, неуверенности и колебаний. В таком состоянии находится литературоведение большей своей частью и в наши дни. Новая наука сначала опиралась на смежные науки, имеющие уже точный объект и цель их исследования, а также разработанную терминологию. Это привело к тому, что формирующееся литературоведение начало усваивать их методологию и пыталось применять ее к изучению литературы. Именно поэтому литературоведение становилось то отраслью психологии, то областью социологии, то филиалом лингвистики. В результате этого в подходе к изучению литературы постоянно возникало разногласие, а именно между морфологическим (или формообразующим) подходом и идейно-тематическим подходом (переходившим, как правило, в чисто идеологический подход). В обоих случаях из поля зрения исследователей литературы исчезала сущность того, чем литературное выражение отличается от нелитературного, т. е. сущность литературности. В каждом отдельном случае это осуществлялось по другим причинам, в зависимости от того, которая из обеих односторонностей начала преобладать в исследованиях. Первый подход (морфологи-

ческий) привел к формализму, второй — к преобладанию идейного подхода, игнорирующего вопросы художественного мастерства писателей.

Формальный подход мог бы казаться более подходящим для постижения специфика литературного выражения как искусства слова, так как некоторые выразительные средства не существуют вне области литературного искусства, однако свою „поэтику“ имеет любое письменное выражение, напр. публицистика. Кроме того, формальный подход не может постичь сущность литературности во всем ее объеме по той причине, что он может привести к недооценке или даже к элиминации воспринимающего субъекта из области исследования (это особенно проявляется в тенденциях формалистов перевести вопросы построения художественного произведения в математические формулы) или формальный подход изучает лишь отношение субъекта к некоторым частям литературного произведения (ср., напр., изучение предопределения ритма и рифмы в исследовании стиха). В результате этого иногда формальному подходу ставится в упрек „дегуманизация“ литературоведения. С другой стороны, только идейный подход к литературе в практическом применении очень часто приводит к элиминации тех формальных средств, которыми отличаются некоторые литературные выражения от языковых выражений нелитературного характера, и ставит все письменные тексты в одну плоскость, не обращая при этом внимания на то, являются ли тексты художественными или нехудожественными.

Таким образом, оба вышеупомянутые подхода — формальный и идеологический — являются односторонними. Формальный метод изучает вопросы художественной обработки темы, однако сама тема в работах формалистов уступает на второй план. При идеологическом же подходе к литературе исчезает граница между литературными и нелитературными выражениями, так как идейные критерии могут применяться равным образом как к художественной литературе, так и к публицистике, философии, юридическим наукам и т. д. Автор настоящей книги считает, что противоречие, существующее между односторонним формальным и идеологическим методом, можно устранить тем, что спецификом литературного творчества будет искать в особенностях его смыслового построения; это сблизит теорию литературы и с теорией остальных видов искусства. С теоретической точки зрения содержание литературного произведения приобретет лишь отвлеченное значение, т. е. оно будет редуцироваться на общие отношения (тем самым приобретая в определенной степени формальный характер), но при конкретном анализе определенного текста необходимо будет всегда принимать во внимание содержание (и тем самым и идейную сторону) конкретного сообщения, фиксированного в художественной форме.

Именно этой проблематике посвящены отдельные исследования, свидетельствующие о том, каким образом это предположение формировалось в работах автора настоящей работы.

Целесообразность изучения литературного произведения как семиотического факта отражается прежде всего на области поэтики. В таком случае необходимо, чтобы избежать самодовлеющего, ничего неговорящего описания форм, постоянно соединять морфологическое исследование с изучением смысла литературного произведения. Вводная статья настоящей книги наглядно показывает, насколько плодотворной является эта точка зрения для теории стиха. В этой статье доказывается, между прочим, что

стих обладает, по сравнению с прозой, специфическим смысловым значением. С требованием изучать стиховые формы в связи с сообщаемым ими содержанием связано второе положение о необходимости изучать каждое формальное средство в широком контексте всех существующих в данное время формальных средств, точнее, всех средств, живших в сознании данного времени. Изучение стиха как раз с этой точки зрения имеет основное значение для поэтики и должно было бы стать одним из исходных пунктов изучения художественной формы вообще. Ввиду того, что стих является признаковой формой, необходимо: 1. изучать стиховые формы, все время имея в виду художественную прозу и 2. точно определить границу между стихом и прозой, как двумя основными противоположными формами литературных выражений. Этой проблеме посвящено второе исследование.

За последнее время много внимания уделяется научному изданию литературных текстов. В связи с этим текстология развилась в самостоятельную науку. Издатель попадает в особую ситуацию тогда, когда проводится в жизнь новое правописание. Третье исследование настоящей публикации показывает, какие сложные вопросы текстология должна решать в таком случае. Автор исследования доказывает, что даже правописание, вошедшее в течение долгого времени в употребление, имеет специфическое смысловое значение. Для чешской литературы это важно прежде всего при издании писателей, которые вступили в литературу во второй половине прошлого столетия. Однако необходимо будет задуматься еще подробнее над вопросом об издании текстов начиная с гуситской эпохи до национального возрождения.

В следующих статьях автор возвращается к стиховедению. На конкретном материале он показывает, что при описании стиха необходимо считать не только со статистическими данными о количестве слогов, о распределении ударяемых слогов и т. п., но и со способом, каким стих воспринимается читателями и как этот стих включался во всю структуру литературной культуры. С докладом о значении и границах квантитативных методов в стиховедении автор настоящей книги выступил на международном совещании по стиховедению, состоявшемся в городе Брно в 1964 г. (доклад напечатан в сборнике вышеупомянутого совещания *Teorie verše I*, 1966, стр. 265—269 под заглавием *The Limits of Mathematical Methods in Analyzing Verse*, чешская версия доклада вышла в печати под заглавием *Poznámky o kvantitativních metodách v literární vědě* в журнале *Host do Otakara 12*, № 3, 1965, стр. 32—35). Напечатанная в настоящей книге статья *Oldakar Theer and the Beginnings of Czech Accentual Verse* на конкретном материале показывает важность субъективного момента в понимании системы стихосложения. В настоящее время автор еще больше подчеркнул бы роль теории литературы и литературной критики в проведении в поэзию новых систем стихосложения. Стоило бы задуматься над историческим значением статьи Добровского о чешской просодии для развития тонической поэзии, а также над значением работы *Počátkové českého básnictví*, пропагандировавшей метрическое стихосложение в первой четверти прошлого столетия. Оказалось бы по-видимому, что теоретическая основа является плодотворной лишь в том случае, когда употребление новой формы опирается на внутренние факторы, т. е. на предыдущее развитие литературных форм. —

С исследованием тонического стиха отчасти соприкасается следующая статья, содержащая рассуждения автора о характере чешского чисто силлабического и силлабо-тонического стиха.

Последние два исследования по стихосложению посвящены вопросам сравнительной метрики. Первое из них касается общеконпаративистской работы (сравнение славянских стиховых систем), второе исследование, являющееся одной из первых работ автора вообще, сравнивает стих родственных по языку литератур, древнечешской и древнепольской. С точки зрения материала, который это исследование содержит, статья является своего рода иллюстрирующим дополнением исследования, посвященного характеру чешского чисто силлабического и силлабо-тонического стиха, так же как и исследования по вопросам методов сравнительной метрики. Определенного уточнения требует термин "оптимальная збуковая реализация стиха". Автор настоящей статьи пришел к выводу, что этот термин мог бы пониматься в смысле определенной речитативной конвенции; поэтому лучше будет употреблять термин „модель, исходящая из оптимальной збуковой реализации стиха“. Старопольский „дактиль“ характеризовался бы автором в настоящее время в качестве „рефлекса фразировки старочешского ямба“.

Вопросы поэтики нельзя категорически отделять от проблем *историко-литературных*. В связи с этим в начале второго раздела настоящей публикации печатаются два исследования, посвященные проблемам, занимающим место на границе между поэтикой и историей литературы. Первое из них решает проблему того, что такое литературный жанр; второе же исследование ставит вопрос о том, что такое литературное направление. Оба исследования объединяет исторический подход к изучаемым вопросам.

В настоящее собрание трудов автора не включены его рассуждения по вопросу о сущности литературы. Сделано это потому, что разница между литературой и не-литературой в наше время чувствуется достаточно ясно. Несмотря на это, автор считает нужным коснуться этого вопроса хотя бы в комментарии. — Хотя разница между литературой и не-литературой является в наше время очевидной, определение этой разницы в историческом развитии словесной культуры является трудным, особенно в начале этого исторического развития. Для того чтобы механически не переносить современное понимание литературности в прошлое, совершенно необходимо определить *terminus a quo*, когда можно уже говорить не только о языковых памятниках, но и о литературных памятниках. Изучая развитие словесного искусства в течение большого промежутка времени, можно убедиться в том, что современное понимание литературы формировалось постепенно и медленно. Основной задачей такого изучения является определение, когда возникает „литературность“ текстов, т. е. когда и как отделяется литературное выражение от остальных на письме зафиксированных языковых выражений.

Автор защищает мнение, что начало литературы нельзя отождествлять с появлением первых текстов (как думали раньше историки литературы) и что о литературе в собственном смысле слова можно говорить лишь тогда, когда тексты уже дифференцированы по их функции и по их форме. Только тогда может образоваться своеобразная структура в области

культурной жизни. С этой точки зрения подлинную литературу представляет церковнославянское творчество эпохи Великой Моравии, так как оно было представлено не только памятниками для богослужения, но и религиознообразовательными текстами (легенды) и текстами юридического характера (номоканон). Кроме того, на церковнославянском языке создавались памятники в прозе и в стихах. Так возникла структура, дифференцированная по своей функции и форме. (Автор настоящей книги коснулся этого вопроса в своем выступлении в дискуссии на съезде славистов в Софии в 1963 г.; это выступление ввиду его небольшого размера в настоящей книге не печатается).

Существенным значением художественной литературы в современной культурной жизни автор настоящей статьи считает тот факт, что произведения художественной литературы (в отличие от научной и деловой литературы) включаются одновременно в два контекста: как идеологическое явление в контекст практической жизни и как языковое явление в „литературный“ контекст. Это двойное включение приобретает художественная литература в чешской среде начиная лишь с „Лабиринта“ Коменского. Этим вопросом автор подробно занимается в докладе, посланном им конференции, посвященной Коменскому и состоявшейся в Варшаве в 1970 году. Этот доклад будет напечатан в Польше в форме журнальной статьи.

Большое значение для стиховедения имеет проблематика литературных жанров. При ее изучении нельзя упускать из виду, что литературные жанры являются исторически возникшими категориями и что они постоянно развиваются, изменяются и подвергаются контаминации. Вместе с тем меняется их иерархия. Эта динамичность литературных жанров не позволяет считать их заранее данными и неизменными. Понятие литературного направления (которое автор отличает от понятия „литературное течение“) формировалось исторически. Хотя в прежние времена объективно существовало определенное деление литературных произведений на различные жанры, это деление все же не воспринималось так живо, как оно воспринимается в наши дни. И хотя уже в самом начале литературного развития объективно существовало несколько отличающихся друг от друга течений, не было условий, играющих в настоящее время решающую роль для понимания литературного направления. С этими фактами нужно всегда считаться в истории литературы. В связи с этим необходимо изучать не только тексты, но и отношение к ним воспринимающей их публики. Это отношение отличалось от отношения современных читателей, так как вся структура литературной жизни и словесной культуры в прежние времена — особенно в средние века — создавались в условиях, в значительной степени отличающихся от современных условий. Именно поэтому автор настоящей публикации подчеркнул при решении вопросов литературных жанров и литературных направлений необходимость субъективного понимания некоторых объективно существующих морфологических черт и отношения писателя к теме. Именно в историческом развитии те же отношения и те же морфологические черты литературных произведений становятся не всегда одинаково важными. Значение субъективного сознания особенно ярко проявляется в процессе формирования литературных направлений (в отличие от литературных течений). Рассуждения автора

настоящей книги следует еще дополнить определением большой роли публицистики в формировании литературных направлений (и тем самым и развития литературной культуры). Публицистика принимает активное участие в формировании литературных программ. В столкновении различных взглядов она часто приобретает форму резких полемических выражений. Именно публицистика способствует тому, чтобы публика воспринимала все литературное творчество определенного времени как идеологически и формально дифференцированную структуру, между составными частями которой существует напряжение, и составные части которой по этой причине все время перемещаются.

Следующие два исследования на конкретном материале изучают проблему языкового ограничения национальной литературы. В современных литературах в историю определенной национальной литературы включаются лишь произведения, написанные на национальном языке. Так напр., в историю французской литературы включаются лишь произведения, написанные по-французски. Этот вопрос является, однако, более сложным в историческом развитии. Для истории чешской литературы (начиная с IX века до национального возрождения) эта проблема имеет особенное значение. Автор настоящей публикации исходит из предположения, что для понимания национальной литературы прежних времен решающее значение имеет ее функция, а не язык. Национальную литературу образуют произведения, предназначенные для членов определенной национальной общности (по крайней мере, ее ведущего слоя), независимо от того, написаны ли они на национальном языке или нет. Совершенно достаточно, если они написаны на языке, понятном тому слою населения, которому они предназначались. Именно поэтому необходимо включать в историю чешской литературы также и древнецерковнославянское творчество эпохи Великой Моравии и эпохи княжения Пржемысловцев в Чехии, позднее латинское творчество (систематически создававшееся с раннего средневековья до национального возрождения) и в эпоху национального возрождения часть творчества на немецком языке (типичным примером являются труды Добровского).

Особенное значение с этой точки зрения имеет латинское творчество.

Автор отметил уже в другом месте необходимость расширить исследование в области литературоведческой славистики изучением латинской медиэвистики, так как западнославянские средневековые литературы нельзя изучать без знания средневекового латинского творчества (*Význam latinské knižní vzdělanosti pro slovanské literatury starší doby*. В кн.: *Československé přednášky pro V. mezinárodní sjezd slavistů v Sofii*, Прага 1963, стр. 195—206).

С этой точки зрения открывается специальная проблематика для чешских земель, где часть латинского творчества включалась одинаково как в чешскую, так и в немецкую национальную культуру. В чешскую культуру не включалось, наоборот, по мнению автора, немецкое творчество, связанное с чешскими землями, потребителями которого были отчасти члены чешского дворянства. Это творчество следует считать — в отличие от латинского творчества — иностранным элементом. Такая точка зрения имеет принципиальное значение для чешской истории литературы, так как она точно определяет ее область. Попыткой практического применения

этого аспекта является первый том академической истории чешской литературы (*Dějiny české literatury I. Starší česká literatura*. Прага 1959), редактором и соавтором которой является и автор настоящей книги.

Три заключительные статьи посвящены проблематике чешской литературы эпохи барокко. Доклад об античных литературных традициях в чешской литературе XVII и XVIII веков подчеркивает необходимость изучать словесное творчество во всем его объеме, не ограничиваясь лишь изучением т. н. „высокой“ литературы. Отсюда вытекает необходимость систематически изучать также народное и полународное творчество. Этой проблематике посвящены оба заключительные исследования. Они печатаются в настоящей книге, во-первых, потому, что они обращают внимание на до сих пор недостаточно изученный период чешского литературного развития, и, во-вторых, потому, что эти исследования имеют более общий характер: автор пытается показать, как светская лирика (поскольку она создавалась для мелкого дворянства и мещанства) выростала из предшествующих ей традиций и какую роль в развитии чешской литературы играла полународная проза в период глубокого упадка чешской письменности. Изучение этих вопросов создает связь между художественной литературой эпохи, предшествующей национальному возрождению, и эпохи национального возрождения, с одной стороны, и между народным (или же полународным) творчеством и литературой *sensu stricto*, с другой. Исследования не заканчиваются какими-нибудь программными положениями, однако, автор думает, что они ясно доказывают необходимость изучения народного и полународного творчества XVII и XVIII веков более систематически, чем это было до сих пор. Этой цели служит и изданная автором книжка народного чтения о Фортунате (Прага 1970) с пространным введением.

Отдельные статьи, напечатанные в настоящем томе, автор дополняет следующими данными:

I

Die Hauptfragen der Verstheorie. Перевод с чешского доц. д-ра Р. Мерты. Напечатанная статья представляет лишь часть доклада, прочитанного автором в 1964 г. в философском факультете в Геттинген (ФРГ). Статья печатается впервые по рукописи доклада.

Remarques sur les corrélations entre le vers et la prose, surtout entre les soi-disant formes de transition. Перевод доц. д-ра В. Ступки. Статья прочитана на международном совещании по вопросам поэтики в Варшаве в 1960 г. и напечатана в сборнике этой конференции *Poetics* (Варшава, 1962, стр. 239 до 248).

Textologie a pravopis. Статья напечатана в сборнике: *Księga pamiątkowa ku czci Konrada Górskiego* (Торунь, 1967, стр. 427—432).

Otakar Theer and the Beginnings of Czech Accentual Verse. Перевод с чешского доц. д-ра Дж. Коцман. Статья напечатана в сборнике: *To Honor Roman Jakobson. Essays on the Occasion of his Seventieth Birthday, The Hague — Paris 1967*, стр. 945—957 (том II). Чешская версия, переработанная

для чешской научной общественности, включена в сборник статей: *O charakter českého verše* (Прага, 1970). Первоначальная версия статьи печатается в настоящей книге по той причине, что она обращается к международной публике и решает общую проблему на конкретном материале.

Remarks on the Charakter of Pure-Syllabic and Syllabotonic Verse. Доклад, прочитанный на международном совещании по стиховедению в Варшаве в 1964 г. и напечатанный в сборнике *Poetics* (Варшава, 1966, стр. 205—209).

К методике изучения литературных взаимоотношений в области стиха. Перевод с чешского Фр. Петржелки. Статья напечатана впервые в сборнике *Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения. (Конец XVIII — начало XX в.)* Москва, 1968, стр. 118—133 (текст) и 428—429 (примечания, помещенные в настоящей книге в сносках).

Polski ósmiozłogowicz średniowieczny. Напечатано впервые в сборнике: *Prace ofiarowane Kazimierzowi Wbysickiemu* (Вильна, 1937, стр. 111—124). Библиографию статьи следует дополнить новой и новейшей литературой предмета; основные новые публикации автор настоящей книги приводит в книге *Úvod do teorie verše* (4-ое издание, Прага 1970, стр. 90 и 69). О проблематике автор писал более подробно в своей книге *Staropolský verš ve srovnání se staročeským* (Прага 1937, *Studie Pražského lingvistického kroužku I.*). Статья перепечатывается на польском языке по той причине, что она является в настоящее время (вследствие военных опустошений во время второй мировой войны, уничтоживших существенную часть довоенной польской продукции) практически недоступной и имеет, по мнению автора, не только мемуарное значение.

II

Co jest to gatunek literacki. Перевод Р. Яничека. Статья является первой частью исследования *Kilka uwag o współczesnej prozie czeskiej o tematyce budownictwa socjalistycznego. (Przyczynek do zagadnienia krystalizacji gatunku literackiego.)* В кн.: *Zagadnienia rodzajów literackich VI*, 1963, тетрадь 1 (10), стр. 5—26. В настоящей статье перепечатываются страницы 5—14 польского текста, содержащие общетеоретическую часть исследования. В качестве заголовка настоящей статьи используется подзаголовок на стр. 7 польского текста. Чешская версия статьи опубликована в журнале *Česká literatura* 11, 1963, стр. 375—391, под заголовком: *Úvahy o problematice žánrového povědomí v současné próze. (Na okraj románů s budovatelskou tematikou.)* Теоретическая часть исследования печатается в настоящей книге по той причине, что ее теоретические положения создают теоретические предпосылки изучения конкретного историко-литературного материала прошедших столетий, особенно средневековья.

Проблема чередования литературных направлений в древних славянских литературах. Доклад, прочитанный на международном съезде славистов в Москве в 1958 г. Его чешская версия опубликована в сборнике *Ceskoslovenské přednášky pro IV. mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě* (Прага, 1958, стр. 229—240). Первоначальная версия статьи перепечатывается в настоящем томе по той же причине, как и предшествующее исследование.

Zu den deutsch-tschechischen literarischen Beziehungen im Mittelalter. Перевод доц. д-ра К. Крейчи. О данной проблеме автор писал в полемической статье *Betrachtungen zur Bedeutung des lateinischen und deutschen Schrifttums für die literarische Kultur des tschechischen Mittelalters* (В журн.: *Sborník prací filosofické fakulty brněnské university* 6, 1961, стр. 217—222), а затем читал о ней доклад в 1961 г. в Грейсвальде (ГДР) и в Ростоке (ГДР). Этот доклад опубликован в журнале *Wissenschaftliche Zeitung der Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe*, 11, 1962, Heft 5—6, стр. 417—420. Текст этого доклада печатается в настоящей книге.

Zu den Problemen der tschechischen Literatur des 13. und 14. Jahrhunderts. Перевод с чешского Г. Кацшман. Прочитано на совещании по чешскому языку и литературе в Лейпциге (ГДР) в 1965 г. и опубликовано впервые в журнале *Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität Leipzig, Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe* 17, 1967, Heft 1—2, стр. 109 до 113.

Les traditions antiques dans la littérature tchèque baroque. Перевод с чешского доц. д-ра В. Ступки. Печатается текст доклада, прочитанного на международном совещании по античной образovanности в ее отношении к настоящему времени. Конференция состоялась в Брно (Чехословакия) в 1966 г. Впервые опубликовано в сборнике упомянутой конференции *Antiquitas Graeco-Romana ac tempora nostra* (Прага, 1968, стр. 405—408).

Zur Beziehung der tschechischen à la mode-Poesie zu der älteren literarischen Tradition. Впервые опубликовано в журнале *Die Welt der Slaven* 11, 1966, стр. 52—70. Библиография настоящего книжного издания статьи дополняется указанием на антологию *Smutní kavaleři o lásce* на стр. 119, которое приводилось в первоначальной версии как рукопись. В этой антологии опубликованы все те тексты врожденной поэзии, о которых автор пишет в своем исследовании.

Zum stilistischen Aufbau des tschechischen „Fortunatus“. Перевод с чешского д-ра Д. Локыса. Перепечатано из: *Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin, Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe* 16, 1967, Heft 5, стр. 759—762. В качестве дополнения приводятся данные о книжном издании *Фортуна*, которое приводилось в первоначальной версии как рукопись. В этой книге печатаются избранные тексты, цитированные в данной статье.